

МАРКОВА ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА

ХРОНИКИ СЛОМАННОГО ВРЕМЕНИ: КИТАЙСКАЯ ПРОЗА 1980-Х ГОДОВ («Девственницы» Гу Хуа, «Жизнь» Лу Яо, «Тяжёлые крылья» Чжан Цзе)

Статья является фрагментом будущей книги по истории литературы Китая. Автор обращается к аналитической прозе 1980-х годов для того, чтобы глубже понять жизнь страны после трагедии «культурной революции», перед отсчётом нового времени КНР. Интересным представляется напряжённый конфликт — прорастание нового в традиционном укладе. Сходство социального устройства России и Китая обусловило появление в жизни и, соответственно, в искусстве родственных типажей и проблем, не исключая при этом специфических национальных черт каждой из литератур. В китайской литературе ярче проявились такие особенности, как «историизация» мышления, верность конфуцианским моделям поведения, следование художественным традициям в структуре и системе образов произведения, в экзотизмах стиля и языка. В национальном характере как архетипическая доминантная черта на протяжении веков сохранился прагматизм мышления и поведения. Вниманию читателей представляется интерпретация трёх значимых повестей десятилетия: «Девственницы» Гу Хуа, «Жизнь» Лу Яо, «Тяжёлые крылья» Чжан Цзе.

Ключевые слова: «историизация», конфуцианство, художественные традиции и каноны, социальные деформации XX века, «культурная революция», «шоковая терапия» в искусстве, реализм нового времени, жанровая форма (повесть или роман), национальный характер, поэтика языка, экзотизмы.

Keywords: historicization, Confucianism, artistic traditions and canons, social deformations of the 20th century, Cultural Revolution, shock therapy in art, modernist realism, genre form (novella or novel), national character, poetics of language, exoticisms.

Современный Китай, преодолев вековое отставание за пару-тройку десятилетий, заслуженно вызывает восхищение всего человечества, последовательно занимая ведущие позиции в экономике, науке, спорте, образовании. Взаимный же интерес России и КНР обусловлен многими особенными причинами: это две крупнейшие державы, имеющие длительную историю контактов и протяжённую общую границу. В последние годы российско-китайские отношения переживают подъём, страны вышли на уровень доверительного и стратегического партнёрства. Вместе с тем как в России, так и в Китае признают, что народы двух стран относятся друг к другу настороженно, и причиной этому является недостаточная обоюдная информированность. В этой связи актуализируется замечание академика В. М. Алексеева, высказанное им ещё в середине XX века: «Надо следить за Китаем... выписывать китайские книги и переводы...» [1, с. 254]. Китайская литература переломного периода расскажет людям XXI века о том, что великие культурные достижения возможны лишь при напряжении сил всего народа, всей нации на магистральных путях исторического развития.

С 1980-х годов, в связи с позитивными изменениями в международных отношениях и динамичными преобразованиями в самом Китае, в России возрастает интерес в целом к культуре, языку, кино и литературе сопредельной страны. Проза этого десятилетия помогает постичь сложные глубинные процессы, происходящие в Поднебесной; вместе с тем, поскольку она развивалась под сильным влиянием русской советской литературы, то тем самым поможет и нам лучше понять самих себя.

Мы обратились к трём повестям: «Девственницы» Гу Хуа, «Жизнь» Лу Яо, «Тяжёлые крылья» Чжан Цзе. Причины выбора именно этих повестей объясняются следующими соображениями: эта проза развёртывает жизнь Китая конца 1970-х – начала 1980-х годов (то есть произведения объединены темой); во-вторых, авторы названных повестей — люди одного поколения; в-третьих, все эти повести переведены одним специалистом — Владимиром Семановым, что позволяет точнее определить особенности стиля каждого из авторов. И наконец, эти повести, как наиболее значимые, были уже отобраны редакцией журнала «Дальний Восток» для публикации с 1988 по 1992 год.

Чтобы избежать критики в свой адрес за неточное употребление терминов (автор называет произведения то повестями, то романами) и предвзято анализируя, считаем необходимым уточнить жанровую природу обеих форм. Жанры — первопродукты, в силу своей мобильности, первыми осваивают всё новое, появляющееся в жизни. Обычно это малые формы: очерк, рассказ, новелла, небольшая повесть.

Роман же — это жанр «подведения итогов», «закрывающий» эпоху, в которой всё стабилизировалось, прояснилось, стало достаточно определённым. Названные же произведения совмещают в себе черты обоих жанров: по вниманию ко всему новому, происходящему в Китае после «культурной революции», по количеству разработанных характеров, по объёму, наконец, — это повести, но по масштабу и значимости поднимаемых проблем для судеб всего народа, всей страны, по широте охвата авторского видения — это, безусловно, небольшие социально-аналитические романы. (Исходя из подобных соображений в нашей литературе к романам, например, относят произведение Валентина Катаева «Время, вперёд!» — о строительстве Магнитки — 110 страниц!) Таким образом, произведения Гу Хуа, Лу Яо, Чжан Цзе можно назвать «промежуточными» жанровыми формами и отметить их новаторство.

Интересная закономерность в освоении жизненного материала, в его «распределении» между художниками сказалась в том, что каждый из них выбирает для освоения своё магистральное русло. Они как бы условились, что Чжан Цзе пишет о проблемах экономической разрухи, плохой работе госаппарата, Лу Яо — о трагедии нищей деревни, Го Хуа — о сложных процессах, происходящих в душах людей, пытающихся жить по нравственным законам нового времени. Эта особенность в художественном освоении мира — умение сосредоточиться на исследовании «своего» ракурса жизни, не повторяя при этом других художников, — давняя традиция классической прозы Китая. Это явление интересно соотнести с литературным процессом в нашей стране: в 1920–1930–1950-е годы писатели «всем скопом» «наваливаются» на производственный роман, пафос первых пятилеток. Создано было более 40 произведений! В результате появились многочисленные примитивные, написанные по одной схеме романы, безжалостно осмеянные в пародии А. Т. Твардовского:

*Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.
Глядишь, роман, и всё в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отстальный зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал... [4, с. 542–543]*

В 1960–1970-е годы, подустав от индустриального грохота, писатели бросили лучшие силы в ряды «деревенщиков». В Китае подобной кампанейщины не наблюдается.

Литература Китая 1980-х годов представляет собой серьёзное социально-аналитическое исследование: она обратилась к «деформациям социализма», к трагическим экспериментам, честно говорит о «политических бурях», «культурной революции», «банде четырёх», о «перековке» характеров в школах для кадровых работников, о ранних смертях, загубленных судьбах и горьком сиротстве опального детства. Это мужественная литература покаяния и очищения, при этом ей удалось избежать «шоковой терапии» публицистичности (лагерная проза А. Солженицына, В. Шаламова значительно страшнее, натуралистичнее). Все горькие истины и проблемы художественно-объективно разрешаются в человеческих судьбах и системе образов.

Журналистка Е Чжицю (героиня повести «Тяжёлые крылья») воспитывает приёмного сына Мо Чжэна, «...он с детства воспитывался в культурной семье. Впрочем, что от неё осталось? Он давно уже сирота... И что принесло ему это образование, воспитание? В те годы они рассматривались как бесполезная роскошь, как синоним буржуазности. <...> Родители Мо Чжэна преподавали французский в университете. <...> Во время «культурной революции» и мать, и отец Мо Чжэна погибли, а сам он стал бродячей собачонкой — точнее, мелким воришкой, потому что не мог иначе прокормиться» [5, № 5, с. 29, 30]. Много человеческого участия и тепла потребует его ожесточившаяся душа, а пока он с вызовом ходит в драной грязной одежде (работает садовником), дома свободно говорит и читает по-французски, много думает и даёт вполне дельные «жизненные» советы журналистке-наставнице.

Смешливая красавица Вань Цунь превратится в рано постаревшую вдову: «...в семидесятом году её муж покончил с собой в “школе для кадровых работников”, не выдержав бесчеловечного следствия. <...> В конце концов её мужа реабилитировали, перестали рассматривать как контрреволюционера-самоубийцу, но никто не облегчил её жизненных тягот» [5, № 5, с. 43, 44]. В крайней нищете она растит сына, её увольняют с работы — и она погибает.

Жестокие испытания не миновали и другого героя романа «Тяжёлые крылья» — директора завода «Рассвет» Чэнь Юнмина, которого чуть не убили во время «культурной революции», «несколько месяцев держали в сыром коровнике, и в результате он заработал хронический ревматизм, не мог даже ходить» [5, № 5, с. 54], выглядит стариком, хотя ему пятьдесят с небольшим!

Трагическим реалиям бытия соответствует и особый стиль повествования, отбор вопиющих «деталей» жизни, почти платоновская жёсткость и лаконичность: «Свыше тысячи рабочих и служащих не имеют приличного жилья, в одной комнате живут по две семьи, только занавеской отгораживаются. Вечером, когда приходят со смены, даже

света не зажигают, боятся других разбудить. <...> Мест в яслях нет. Крыша дырявая, кое-где даже небо видно. <...> Стёкла разбиты, рамы сломаны, многие окна заделаны досками — из-за этого внутри темно. <...> Столовая тоже чёрт знает в каком виде: на столах грязь толщиной в монету. В медпункте, прямо в шкафу с лекарствами, завелись мыши... Рабочие даже первой медицинской помощи не могут получить. Кроме того, с более чем сотни человек на заводе ещё не сняты политические обвинения...» [5, № 5, с. 54, 55].

В романе «Жизнь» крестьяне, презираемые горожанами, ночами вывозят на истощённые поля фекалии, нищета кругом, люди питаются только грубой тяжёлой пищей.

В «Девственницах» страшна в своей ужасающей простоте сцена «боевого брака», когда сирота Гуйхуа (её родители погибли «по злomu произволу» в «культурной революции») одним кивком головы подписала себе приговор, согласившись выйти замуж за молодого и крепкого шофёра, которого она видела в первый раз (для неё это был единственный шанс спастись от преследований — убежать в глубинку страны). К её ужасу, ей и мужа-то подменили: утром она увидела рядом с собой совершенно чужого старого мужчину.

Как о чём-то обычном говорится во всех романах о том, что молодые семьи порой по семь-восемь лет живут отдельно: женщина в деревне воспитывает детей, муж в городе проходит тяжёлый путь становления: работа, учёба, жильё...

В романе «Тяжёлые крылья» автор пристально вглядывается в жизнь разных социальных групп, даёт «вертикальный срез» общества: кабинеты Госсовета, проблемы и лица Министерства тяжёлой промышленности, повседневные заботы отдела энергетики, наконец, широкую картину возрождающегося автомобильного завода «Рассвет», досуг молодёжной рабочей бригады. Думающих, честных героев романа беспокоит хаос в экономике, неотлаженная система планирования в производстве, бедность страны при внешне благополучных показателях, коррумпированность во всех звеньях руководства страной. В этом панорамном аспекте роман Чжан Цзе соотносим с книгой В. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Китайская проза этого периода многогранна, но явственнее других качеств проступают её социально-аналитические и нравоописательные начала, национальная самобытность, которые могут быть осмыслены сквозь призму национального характера.

Напряжённое исследование человека в литературе обусловлено уникальностью ситуации: с одной стороны, Китай — древнейшая цивилизация, с другой — очень «юная» нация, процесс формирования которой связан с разрушением феодальных отношений, продолжавшихся до середины XX века. То есть человек как «предмет» искусства здесь удивительно интересен: он представляет

некое «пересечение» временной трёхтысячелетней «вертикали» и «горизонтали» динамично рвущегося в будущее мира. (Что-то подобное представлял собою советский человек первых десятилетий после 1917 года. Полагаем, что проблема личности этого периода в художественной литературе России не решена до сих пор.)

В очередной раз отметим особенный «историзм» мироощущения китайца (напомним, всё начинается ещё с оригинальной историизации своей мифологии, когда мифическим персонажам приписывали черты реальных исторических деятелей и, наоборот, реальным историческим фигурам «добавляли» черты мифических, божественных героев, чего не встретим ни в одной культуре мира). И современный китаец по-прежнему в большей мере живёт именно в плотных слоях истории, нежели в социуме или пространстве. Именно поэтому в современную прозу столь органично входят исторические прологи и зачины, многочисленные реминисценции, навеянные древними книгами, образы-упоминания легендарных мифических и исторических личностей. Сюжетно-фабульные структуры многих современных произведений строятся на историческом параллелизме.

Так, повесть Гу Хуа «Девственницы» (о жизни села 1980-х гг., о работе шофёров-дальнобойщиков) имеет три исторических пролога. Всё начинается мифопоэтическим зачином, развёртывающим первозданный «доисторический» пейзаж как сценическую площадку будущего повествования: «На одном из Пяти хребтов южного Китая стоит высокая гора под названием Небесный памятник. <...> У подножия горы — село Гусиное... <...> С тех пор, как река Гусиная изменила своё течение, её старое русло обнажилось и засохло. Дикае гуси уже не прилетали сюда, но на их месте осталось множество “гусиных яиц” — больших и маленьких, круглых и плоских камней... скорее всего, они лежали здесь с ледникового периода и были древнее всех, даже самых высоких деревьев, всех живших тут когда-либо зверей и птиц. Возможно, они повидали и Паньгу, сотворившего мир, и героев, упорядочивших первозданный хаос, и мифических императоров. Может быть, это ими богиня Нюйва чинила небосвод, птица Цзиньвэй заполняла море, а великий Юй усмирал потоп» [2, с. 52].

Лирическая интонация первого пролога уступает место иронической усмешке второго, приближающего к нам эпоху Тан (VII–IX вв.): «Но наибольшую славу этим местам принесли не доисторические камни, а галерея арок в честь непорочных женщин... Они строились из белого мрамора... На мраморе были высечены имена женщин, годы их жизни, канонизации и постройки памятника, причём надписи эти принадлежали известным сановникам. <...> Каждый год... сюда приходили родители из самых разных мест с неза-

мужними или несовершеннолетними дочерьми, возжигали ароматные курения и жертвенную бумагу, становились на колени, отбивали земные поклоны и со слезами на глазах рассказывали историю каждой из непорочных женщин» [2, с. 53].

После двух прологов автор не спешит перейти к повествованию о событиях в селе Гусином в 1980-е годы. Появляется и третий исторический пролог, по интонации скорее трагический, приближающий к читателю 1900-е годы. Но этот зачин обусловлен верностью художественной традиции, предполагающей воспроизведение структуры средневековой новеллы (рассказ в рассказе по типу концентрических кругов). Первая, вводная новелла обычно нарисована кратко, эскизно. Её задача — подготовить читателя к восприятию второй, настоящей, прежде всего по нравованию, по пафосу.

Первая, предваряющая, и, главное, наставляющая, поучающая новелла в «Девственницах» рассказывает о трагической судьбе молодой сельской красавицы Циньюй, ставшей «вдовой» в 19 лет после того, как умирает её 13-летний «муж», за которого она была просватана местным богачом. Чтобы не возвращаться в нищету родного дома, Циньюй остаётся у богатых родственников мужа, даёт обет непорочности (возможно, в дальнейшем в честь её добродетелей была бы сооружена памятная арка, что прославило бы род мужа). Сонный мир условностей разбужен горячим живым чувством молодого учителя, который осмелился только бросить неосторожный взгляд на красавицу «вдову», за что жестокий свёкор приказал слугам спустить на парня цепных злобных псов, разорвавших юношу. Погибает от потрясения и юная красавица, которая даже не успела пережить чувство первой влюблённости. Так первая новелла говорит о невозможности для китайской девушки в начале XX века даже помыслить о свободном чувстве, а не только бороться за него.

Эта вводная новелла выполняет и ещё одну функцию — проводит резкую границу внутри одного произведения: между средневековой художественной традицией в изображении мира и человека и новой прозой социалистического Китая 1980-х годов.

Современная же хроника села Гусиного выдержана в публицистической, даже довольно смелой (после шока «культурной революции»), сатирической, стилистике: «Этот небывалый... культурный памятник, сохранявшийся больше тысячи лет (12 арок непорочным и добродетельным женщинам. — О. М.), простоял до 1958 года. Но затем в стране начался “большой скачок”, связанный с борьбой против суеверий, новые мифы сменили старые, и под горой Небесный памятник тоже решили “запустить искусственный спутник” — выплавить как можно больше чугуна и стали, а

для этого даже литые котлы разбить. Заодно были разбиты и все арки на Улице верных женщин: из обломков строили большие и маленькие домны... надеялись одним прыжком перемахнуть в новый светлый мир» [2, с. 53].

Конечно, исторические аналогии и параллели призваны прояснить современные события и характеры: «Ниже мы расскажем только две истории, случившиеся в этих местах и так или иначе связанные с женским целомудрием: юной вдовы конца Цин, которая тщетно пыталась хранить верность умершему мужу, и молодой женщины наших дней, которая не собиралась хранить никакой верности, но всё же осталась чистой. Обе эти истории обладают некоторыми общими чертами, очень поучительны и достойны пристального внимания...» [2, с. 53–54].

Поскольку Китай после 1949 года пошёл по пути социалистических преобразований (как и Россия после 1917 г., отразившая в своей литературе основные социальные перепетии XX в.), то в литературе Поднебесной обнаружим многих героев, имеющих литературных двойников-собратьев в советском искусстве.

Динамизм и беспрецедентность новой истории Китая, в которой драматические и зачастую разнонаправленные «броски» социализма были спрессованы в три-четыре десятилетия и пришлись на долю всего одного поколения, обусловили удивительную пестроту и многообразие национальных характеров, несводимость их к одному-двум психологическим типам. В прозе названного периода запечатлены целые типологические ряды персонажей.

Мужественные, талантливые и самоотверженные создатели новой жизни: герой революции и кадровый военный Гао Юйчжи, председатель коммуны Лю Юйхай, организовавший работы по спасению людей, напомнил старых революционеров, о которых читаешь во многих книгах, «весь изранен, а заботится не о себе — о народе!» [3, № 7, с. 100], молодой сельский учитель и журналист Гао Цзялинь (Лу Яо, «Жизнь»). Родственны им по мироощущению герои другого романа, «Тяжёлые крылья». Это «смелый и способный» заместитель министра Чжэн Цзыюнь, высокообразованный, творчески мыслящий профессионал, человек на своём месте. «Большая часть его жизни, кроме сна... проходила в министерстве, в машине, на разных заседаниях. Он редко отдыхал даже в воскресенье, а когда возвращался с работы домой, в его голове вертелись всё те же служебные дела...» [5, № 5, с. 47]. Критически думающий, неудобный в министерстве, инженер отдела энергетики Хэ Цзябинь, у которого душа болит от всеобщего головотяпства, безответственности, бездумности, наносящих огромный ущерб отрасли и экономике в целом (из-за всего этого не может легко «взлететь», «взмыть» к новым высотам страна — отсюда смысл названия романа Чжан Цзе «Тяжёлые крылья»).

Эти персонажи легко узнаваемы нами: беззаветно преданные высоким помыслам и делам, созидающие новый мир и не умеющие устраивать собственные судьбы, аскеты и праведники... «Героическое эпическое состояние мира» как в России, так и в Китае обусловило появление подобных характеров: в русской литературе это «неистовые ревнители», «инженеры человеческих душ», «битюги революции» — герои прозы 1920–1970-х годов (от книг Л. Леонова, А. Малышкина, Г. Николаевой до произведений О. Куваева, И. Дворецкого, А. Гельмана). Генетическое родство названных русских и китайских персонажей не исключает одного существенного различия в их восприятии: о своих мы только недавно стали говорить, что они были «ослеплены романтизмом времени», герои же китайской прозы 1980-х годов заявляют: «Знаете, какова главная особенность нашего поколения? Непонимание окружающей обстановки» (Чжан Цзе, «Тяжёлые крылья») [5, № 5, с. 47].

Обаятельны сохранившиеся от разного рода социальных деформаций народные характеры: мудрый и добрый старик Дэшунь (Лу Яо, «Жизнь»), чуткий ко всему новому, образованный, понимающий и справедливый председатель сельсовета Сяо Ханьчу (Го Хуа, «Девственницы»), хитроватый жизнелюб и балагур Ван Фанлян: «Еда — всё равно что битва, в ней главное — наступление!» [5, № 5, с. 50]. Этот чиновник высокого ранга, рассуждая на обеде у замминистра о качестве китайских товаров, совершенно непосредственно может задрать пятку с дырявым нейлоновым носком (Чжан Цзе, «Тяжёлые крылья»). В жизни этим героям приходится непросто, так как много ещё «больших и малых чертей, которые вечно мутят воду»: подлецы вроде Ма Чжаньшэна или Гао Минлоу («Жизнь»), приспособленцы и стяжатели, хамы и циники из «высокопоставленных товарищей»: министр Тянь Шоучэн, партийный функционер Фэн Сяосянь, интриган Ши Цюанцин, за которыми тянется бесконечный ряд «пригретых» родственников и друзей. «Из-за таких вещей у нас всюду и торчат то лошадиные, то ослиные морды. Сотворит одна из этих морд очередной анекдот и спокойноенько покрывает расходы из чужого кармана...», — с гневом и горечью говорит о них Хэ Цзябинь («Тяжёлые крылья») [5, № 5, с. 37].

Не менее живописны и разнообразны женские характеры. Милые, наивные мечтательницы, «чистые души»: прекрасная и поэтичная, «способная повергать царства» Ян Циньюй, словно пришедшая из сказки принцесса, давшая обет непорочности («Девственницы»), смешливая в юности, верная и нежная инженер Вань Цунь, озабоченная государственными проблемами, честная и умная журналистка экономической газеты Е Чжицю («Тяжёлые крылья»). Драматически напряжённые события предшествующих де-

сятiletий и мертвящие догмы нравственных установлений предопределили трагизм их судеб.

Самое удивительное, что те же причины обусловили появление женщин иного склада, дерзнувших отважно отстаивать своё человеческое достоинство и право быть счастливыми. Через поругание, осуждение, презрение ближних пройдут перед нами хозяйка кабачка «Жасмин» Яо Гуйхуа («Девственницы»), неграмотная крестьянская девушка Цяочжэнь («Жизнь») и смелая фотокорреспондентка из Пекина Юаньюань («Тяжёлые крылья»). Можно заметить, что в процессе сопротивления обстоятельствам женщины в Китае обогнали мужчин, возможно, на целое поколение (если судить по литературным героям). Они сами создают новую мораль.

Вместе с тем в прозе этого периода сложился и очень несимпатичный тип женщины — «кадрового работника»: заведующая крестьянским отделом Сяо или заведующая женотделом сельсовета У, толстая некрасивая баба, горластая и сварливая («Девственницы») [2, с. 69], и, наконец, невежественная карьеристка Хэ Тин, благодаря связям и интригам добравшаяся до руководства отделом ведущего министерства («Тяжёлые крылья»).

Заметим, что подобный тип «выдвиженки» (В. Астафьев, «Печальный детектив») в русской прозе появляется параллельно и в то же время (1986), что и в Китае, и становится заметным художественным открытием. «Выдвиженками» Астафьев назвал бойких деревенских бабёнок, давно отошедших от крестьянского тяжёлого труда и отучивших от работы своей бездумной демагогической болтовнёй в президиумах слётов и съездов других живых невымороченных людей. (По наблюдениям в литературных источниках, а они, как известно, отображают правду жизни, в России подобный тип женщины получил меньшее распространение и был всячески отторгаем отечественным менталитетом.)

Приверженность к общим родовым началам, пришедшая из глубины веков, органично перешла в современный коллективизм и партийное единение, когда человек по традиции живёт в нравственно регламентированном мире, подчиняя своё «я» диктату многих. И прессинг этого множества зачастую бесчеловечен.

Униженная, избиваемая своим старым мужем, Гуйхуа отважилась подать на развод. И что здесь началось... С угрозами, угрозами, намёками к ней пошли заведующая женотделом, заведующая крестьянским отделом, бухгалтер волостной управы, сельский лекарь и уездный судья. «От родственников и друзей мужа пришло больше десяти писем. <...> Увещевания и проявления заботы опутали Гуйхуа со всех сторон, она барахталась в этой сети, но недели через две выдохлась. <...> Бесчисленные глаза, рты, голоса, звуки

преследовали её, не отпускали... <...> Она действительно сдалась...» («Девственницы») [2, с. 71].

Давление коллектива, увы, не исчерпывается моральными уроками: разъярённые крестьяне, осуждая «жену-развратницу», спускают на её дом горную лавину («Девственницы»); учителя, очистившего известью деревенский колодец, невежественные односельчане готовы избить, что не помешает им после «разъяснения руководящего товарища» столь же дружно одобрить «гигиеническую революцию» («Жизнь»).

Подчинение общему, единому для всех нравственному кодексу воспитывалось веками. Так, в духе конфуцианской морали «для женщин» Четвёртый господин определяет круг чтения своей «непорочной» невестке-вдове: «Женский канон», «Двадцать четыре картины о почитании родителей», «Жизнеописания знаменитых женщин», «Четверокнижие для женщин» и т. д. События происходят в 1908 году в знакомом уже селе Гусином. С каким «домостроем» души ассоциируется всё это у современных читателей («Девственницы»)?

Назидательность, поучительность, опора на каноны и традиции, сформированные под влиянием учения Конфуция «Ли» (о ритуале) ещё в VI–V веках до н. э., и ответное послушание, подчинение как основные принципы жизнестроения особенно заметны как национальная черта характера, что последовательно отразила литература 1980-х годов в виде стилевой насыщенности предложениями, пословицами и поговорками: «Конфуций говорил, что труднее всего воспитывать женщин и мелких людей», «В абсурдное время и браки бывают абсурдными», «Каждые ворота должны соответствовать двору», «Эх, разводы, разводы! И бабы, и деньги как в воду!», «Если император не бесится, то евнух с ума сходит», «Вино — лучшая сводня», «Умудряться спать в грохочущем барабане» и т. д.

Другой архетипической чертой национального характера китайцев, ещё более древней, закреплённой в сказках и народных анекдотах (примерно с X в. до н. э.), стали прагматизм, утилитаризм, почти полное отсутствие всякого рода идеализма, «романтизма», мечтаний, отвлечённых фантазий и пр., в отличие от русской ментальности, например. И в XX веке прагматизм сознания обнаруживается почти в каждом душевном движении китайского человека. Так, родители мальчика, заболевшего корью, посылают одновременно за доктором и за знахарем; муж избивает жену, но при этом «руководствуется соображениями», не трогает её лица, иначе она не сможет торговать в кабачке днём. Юная красавица даёт обет непорочности, обрекая себя на одиночество и лишая всех земных радостей, и остаётся при этом в сытом и тёплом доме свёкра, хотя возможен был иной выбор: выйти замуж, но при этом необходимо было вернуться в нищизн отчий дом... Односельчан Гуйхуа не столько волнуют её сердечные

дела после развода, сколько судьба кабачка «Жасмин», на который претендуют родственники мужа, и т. д.

Национальный колорит китайской прозы, в определённом смысле даже некий экзотизм, ощутим достаточно внятно на уровне стиля, даже в переводах. Аромат сохранён и в именах женщин (Е Чжицю — «Познавшая осень», Гуйхуа — «Цветок корицы»), и в метафорах: о девушке сказано, что она хороша и стройна, как «лёгкое пёрышко лука»; в грустную минуту стручки акации показались героине похожими на «маленьких висельников». «Горькая» поэтика пробивается и в приводимых фольклорных образах: героиня, размышляя о тяжёлой доле женщины, вспоминает, как пели мать и тётка в своих свадебных песнях: «...отдадут за петуха, пойду за петуха; отдадут за кобеля — пойду за кобеля; отдадут за столб, вырою его и тоже пойду...» [2, с. 55]. В отличие от русского сознания и эстетических предпочтений, в Китае в большей степени ощущается опора на древнейшие пласты фольклора. Так, коварную женщину они привычно (как и тысячу лет назад) называют лисой-оборотнем, часто обращаются к мифологическим культурным героям, своим древним покровителям: Нюйве, Юю и пр. (Заметим с сожалением, что современный русский читатель крайне редко обращается к славянской мифологии, а если и вспомнит с трудом, то не более двух-трёх персонажей: Лешего, Ярилу, Снегурочку...)

Если попытаемся определить главные доминанты души и сознания китайцев 1980-х годов, то обозначится ряд: история, традиция, «родовые начала», прагматизм.

Прорыв к новому во всех сферах жизни и составляет внутренний конфликт прозы этого десятилетия. С большим напряжением сил люди идут в будущее, и уже в глубинке появились приметы новой жизни: четырёхкассетный магнитофон, телевизионная антенна на крыше волостного управления. Но главное в том, что люди, подвезжая к правлению, ничего не боятся, ведь власть народная, а не принадлежит родам У и Сяо [2, с. 104].

Когда-то наш поэт-гуманист грустно заметил, что «краснофлагий строй не есть гарантия личного счастья». Названные произведения развивают данное суждение, говорят о том, что люди в новом мире не всегда умеют или боятся быть счастливыми, но всё-таки появляются новые герои, строители своих судеб.

В заключение, наверное, следует сказать, что по художественным достоинствам китайская литература 1980-х годов в целом далека от утончённой классической прозы периода её расцвета (XIV–XVIII вв.). В этом качестве её также можно сравнить с русской советской литературой, о которой Василий Белов сказал на юбилее Фёдора Абрамова (Ленинград, 1980 г.), что, кажется, она приближается к среднему валу XIX века¹. Но и та и другая литература — закономерный этап в познании сложного времени, имеющий свои достоинства, являющий собой живую страстную публицистическую реакцию, побуждающую людей к действию, к борьбе с несовершенством мира.

Список использованных источников

1. Алексеев, В. М. О последнем, 1943 года, переводе «Евгения Онегина» на китайский язык : Из набросков к докладу «Пушкин в Китае» / В. М. Алексеев ; публ. М. В. Баньковской ; примеч. В. В. Петрова // Восток — Запад : Исследования. Переводы. Публикации. — Москва, 1985. — Вып. 2. — С. 252–271.
2. Го, Хуа. Девственницы / Го Хуа // Дальний Восток. — 1992. — № 8. — С. 51–104.
3. Лу, Яо. Жизнь / Лу Яо // Дальний Восток. — 1988. — № 6. — С. 80–105 ; № 7. — С. 81–102 ; № 8. — С. 95–117.
4. Твардовский, А. Т. За далью даль / А. Т. Твардовский // Стихотворения. Поэмы. — Москва, 1971. — С. 514–618. — (Библиотека всемирной литературы. Серия 3 : Литература XX века ; Т. 185).
5. Чжан, Цзе. Тяжёлые крылья / Чжан Цзе // Дальний Восток. — 1989. — № 5. — С. 29–104 ; № 6. — С. 105–125 ; № 7. — С. 86–107.

Материал поступил в редакцию 09.02.2026.

Сведения об авторе: Маркова Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного государственного медицинского университета (Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: olga2447@bk.ru; тел. 8-924-307-66-46.

¹ Помню эти слова, сказанные Василием Ивановичем Беловым в феврале 1980 г., как сейчас. — О. М.